

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXVII

Ростов
2022

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр
С63

Сборник научных статей
«Сообщения Ростовского музея» выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

С63 **Сообщения Ростовского музея. Выпуск XXVII /**
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». —
Ростов, 2022. — 380 с. : ил.
ISBN 978-5-6046011-5-0

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-5-0

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2022

Содержание

Городилин С. В. (<i>Москва</i>). О ранней истории ростовского монастыря Рождества Богородицы по летописным данным	5
Мельник А. Г. (<i>Ростов</i>). Соборная звонница Ростова Великого в конце XVII – начале XXI в.	29
Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). Договоры и контракты, связанные с кирпичным производством, в маклерских книгах Ростова конца XVIII – первой четверти XIX в.	51
Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). Выращивание и переработка ростовских лекарственных и душистых трав в XVIII–XIX вв.	77
Киселев Ал-й В. (<i>Ростов</i>). «Ярославские губернские ведомости» (1831–1917) как источник по традиционной культуре населения Мологского уезда Ярославской губернии XIX – начала XX в.	84
Чекмасов Д. Н. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Архивные документы о ростовском доме А. А. Титова (досоветский период)	104
Степанов К. А. (<i>Ростов</i>). История дома ростовских купцов Шляковых	180
Чекмасов Д. Н. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Личный архив священников Нагорных (из новых поступлений ГМЗ «Ростовский кремль»)	218
Сведения о военнослужащих из метрической книги 3-й гренадерской Артиллерийской бригады периода Первой мировой войны. Публикация К. А. Степанова	236
Леонова Е. А. (<i>Ростов</i>). Стекланные негативы в собрании ГМЗ «Ростовский кремль»	273
Мельник Л. Ю. (<i>Ростов</i>). Дневник Ивана Осиповича Рынькова как источник по истории Ростовского музея	291

Трофимов С. Н. Мои воспоминания.	
Публикация Д. Е. Леонова	349
Пуцко В. Г. (<i>Калуга</i>). Художник—реставратор	
Ю. М. Баранов	371
Список сокращений	377

О ранней истории ростовского монастыря Рождества Богородицы по летописным данным

С. В. Городилин

Женский монастырь Рождества Богородицы находится в центре Ростова, одной стороною выходя на дорогу, ведущую к Ярославлю, а другой — к слободе Подозерке. В настоящее время комплекс его строений обрамляют валы бастиона земляной крепости 1633 г. Однако прежде, до того как на протяжении Нового времени сложился нынешний ансамбль городского центра, расположение этой обители можно было бы описать совсем иначе: напротив княжеского и епископского дворов, на противоположном от них берегу ныне засыпанной речки Пижермы. Впрочем, несмотря на столь выигрышное местоположение, в истории Ростова до Нового времени этот монастырь оказывается не слишком заметен. Его регулярные упоминания появляются только с послесмутного периода¹, но и тогда единственная ростовская девичья обитель не играла особо значимой роли, поскольку была весьма невелика, не обладая ни прославленными святынями, ни вотчинными владениями, и содержалась только за счет небольшой государевой руги². Эта ситуация начинает меняться лишь с последней четверти XVII в., когда уже известны вклады от знатных ростовцев и москвичей, резко возрастает число насельниц, а энергичной настоятельнице игуменьи Наталии (Тяпкиной) удается добиться получения ряда царских земельных пожалований. При митрополите Ионе строится первый каменный монастырский собор, а в следующем веке обитель переходит под патронат Ростовской кафедры, став приписной к архиерейскому дому. Только после этого постепенно начинается ее расцвет, в полной мере пришедшийся уже на XIX — начало XX столетия.

Несмотря на это Рождественский монастырь, даже если не касаться связанной с ним краеведческой и церковно-исторической традиции, оказывается достаточно древним. Первое упоминание о нем относится еще

¹ 11 марта 1619 г. «Рождества пречистые Богородици девичья монастыря поп Василий» с прочими городскими иереями заверяет Дозорную книгу Ростова: *Титов А. А.* Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. М., 1880. С. 7–8. Писцовая книга 1629–1631 г. сообщает о рядной записи, удостоверенной «из Ростова Богородицкого монастыря игуменьей старицей Марфой»: *Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века: 1629–1631 годы.* М., 2012. С. 611.

² *Израилев А. А.* Описание Ростовского, Ярославской губ. Рождественского девичьего монастыря. СПб., 1858. С. 51–54.

ко времени существования в Ростове особого княжения. Это упоминание датировано 1471 г. и содержится в тогдашнем ростовском владычном своде — Типографской летописи. Согласно известию памятника, «... тое же зимы марта 23 преставися княгиня инока Марфа Ростовская и положена бысть в церкви Рожества святыя Богородици в монастыри»³. В данном сообщении речь идет именно о нашей обители, хотя иногда его пытаются связать с московским монастырем Рождества Богородицы на Рву. Однако тут мы имеем дело с летописанием Ростовской кафедры, и о московском событии подобного рода летописец вряд ли вообще стал бы писать, но если все же б стал, то неизбежно уточнил бы для читателей, что сообщает о случившемся именно «на Москве»⁴. Кроме того, нужно учесть, что в 1471 г. ростовские князья еще не ушли на великокняжескую службу, они до 1474 г. управляют принадлежавшей им половиной Ростова и продолжают пребывать в своих отчинных владениях⁵, таким образом, для ростовской княгини в то время просто нет повода оказаться в Москве и уж тем более быть там похороненной.

По поводу личности упомянутой летописью княгини иноки предположений в историографии не обнаруживается, но содержащий достаточно подробное поминание ростовского княжеского рода (в том числе и женщин) за XV в. Ростовский соборный синодик предоставляет возможность сделать определенные заключения на этот счет. Знание года кончины позволяет нам уверенно ограничить область поиска. Кроме того, важно то обстоятельство, что на нашу княгиню обратил внимание автор владычного свода последней трети XV в., который в отличие от предшествующей летописной традиции Ростова конца XIV — начала XV в.⁶ уже предпочитает игнорировать события из жизни местной династии (за исключением лишь окончательного прекращения ее власти зимой 1473/1474 г.). В рассматриваемый период в Ростовском княжеском доме одновременно могло насчитываться от двух до почти трех десятков женщин, обладающих титулом, и то, что из всех них только об одной княгине иноке Марфе в летописи появилось упоминание, вселяет уверенность, что та играла достаточно значимую династическую роль, и, следовательно, должна присутствовать и в родовом поминании в соборном синодике. Там среди записей блока, содержащего имена князей Борисоглебской ветви Ростовского княжеского дома Константина

³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2000. Т. 24. С. 188.

⁴ Последовательность в данном вопросе автора летописных известий хорошо видна в соседствующих с этой статьях Типографской летописи за 1460-е — 1480-е гг.

⁵ За исключением Андрея Федоровича Голенина, с сыновьями перебравшегося на службу к князю Борису Васильевичу в выделенный тому по духовной грамоте великого князя Васильевича Васильевича 1462 г. Волок на Ламе и получившего волоцкую отчину взамен своей прежней.

⁶ Ср. известия летописания периода епископа Григория (1396—1419): ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Вып. 3. Стб. 537—540.

и Ивана Владимировичей с их потомством, мы находим «княгиню Александрову иноку Марфу»⁷.

Еще одной гипотетической кандидаткой могла бы, на первый взгляд, представиться супруга, насколько можно понять из записи Синодика, князя Федора Федоровича из Сретенской ветви, сына известного по участию в великокняжеской двинской авантюре 1397 г. князя Федора Андреевича: в поминании семейства этого князя после имени Федора Федоровича читается «княгинѣ его Маріи нареченои въ мнишеском чину Марфѣ вечная памят(ь)»⁸. Впрочем, вероятность отождествления этой Марии-Марфы с княгиней-инокой, умершей в 1471 г., невелика: дети Федора Андреевича действуют в 1400-х – 1440-х гг., но уже не встречаются в более поздних источниках⁹. К тому же, династический статус жены князя, не являвшегося старшим в своей ветви и не оставившего наследников, явно был не слишком значителен, во всяком случае, вряд ли настолько, чтобы та могла привлечь к своей персоне внимание летописца. Наконец, следует принять во внимание, что Сретенская ветвь ростовских князей, потомки Федора Васильевича, уже к концу правления великого князя Василия Дмитриевича, к середине 1420-х гг. навсегда расстаются с принадлежавшей им до тех пор наследной властью в Ростове. С учетом всего этого выглядит не самым вероятным особое упоминание в летописи о кончине не имеющей влиятельных потомков супруги одного из ничем не заметных князей, который не занимал достаточно значимого положения в своей уже около полувека назад полностью лишенной княжения Сретенской ветви (что, разумеется, не могло не сказаться в том числе и на политическом и экономическом потенциале этого князя).

Ситуация же с «инокой Марфой, княгиней Александровой» Ростовского, на наш взгляд, совершенно иная. Дело отнюдь не только

⁷ «Бл(а)говѣрному кн(я)зю Коньстантину Володимеровичю и брату его кн(я)зю Ивану и кн(я)гинямъ Констанътиновымъ Маріе и Евпраксіи и с(ы)ну его кн(я)зю Ивану и кн(я)гинѣ Ивановѣ Настасіе и сносѣ его и дщеремъ его княжнѣ Антонидѣ і Аннѣ и внуку его кн(я)зю Февдору, скончавшимся въ мнишескомъ чину и кн(я)гинямъ Ивановымъ Володимировича Татіанѣ і Аксиіе и с(ы)номъ ихъ кн(я)зю Ивану и Льву, Александру и Діонисію иноку и с(ы)ну его князю Варсунофію иноку Ростовскимъ и кн(я)жнѣ Антонидѣ, кн(я)гинѣ Александровѣ иноке Марфѣ вѣчная память»: *Конев С. В.* Синодикология. Ч. 2. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. 6. С. 101.

⁸ Там же. С. 100–101.

⁹ Даже младший из них, Дмитрий Приимок, как можно судить, уже умер к началу 1460-м гг., т. к. отчинное ростовское село Приимково с деревнями Михаилу Плещееву продает уже Дмитрий Дмитриевич Приимков, причем сделка совершена по жалованью великого князя Ивана Васильевича, следовательно, скорее всего, в недолгий период после 27 марта 1462 г., когда половину Ростова для передачи его по завещанию великой княгине Марии Ярославне взял под свой контроль новый великий князь: *Городиллин С. В.* «Ростовцы, которые служат великому князю»: к вопросу о Ростове как удельном центре Великого княжения Московского второй половины XV в. // Сообщения Ростовского музея (далее – СРМ). Ростов, 2020. Вып. 25. С. 22–23.

в том, что ее имя в постриге совпадает с летописной княгиней. Многие княгини в тексте памятника поминаются одновременно и с княжескими, и с иноческими именами, но эта, «княгиня Александрова», в Синодике тоже лишь только под ним — «инока Марфа», точно так, как и в летописи, более того, именно ее имя завершает блок с именами потомков Владимира Константиновича. Ее супруг — князь Александр Иванович, сын Ивана Владимировича, правнук родоначальника князей Борисоглебской ветви Константина Васильевича. Потомки Александра и будущей иноки Марфы¹⁰ — князья Ласткины, Касаткины, Лобановы и Голубье-Ростовские¹¹. Имя Марфы внесено не сразу вслед за именем мужа, а после имен его младшего брата, племянника и, видимо, племянницы, что позволяет думать, что княгиня на определенное время пережила супруга. Дядя нашего князя Александра, старший брат его отца Ивана Константин Владимирович, умер еще в 1415 г.¹², а один из сыновей и старшие внуки Александра Ивановича (Иван Александрович Лобан, а также Константин, Юрий и Владимир Касаткины — дети Михаила Александровича Касатки) в 1490-х — 1500-х гг. уже сидят на новгородских поместьях¹³, в то время как их отца и деда Александра тогда уже нет в живых, как давно нет к тому времени и его младшего брата Дмитрия Ивановича Бритого (тот поминается в записи Синодика с иноческим именем Дионисий¹⁴). Таким образом,

¹⁰ Скорее всего, до пострига она должна была быть Марией, поскольку мирских княжских женских имен на букву «М» в святцах весьма немного.

¹¹ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 79, 81.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 540.

¹³ Новгородские писцовые книги, изданные Императорскою Археографическою комиссиею (далее — НПК). СПб., 1859. Т. 1. Стб. 693; НПК. СПб., 1862. Т. 2. Стб. 584—592; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 49; Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. / сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб., 2011. С. 31; Писцовые книги Новгородской земли (далее — ПКНЗ). М., 2001. Т. 4. С. 364, 435, 479, 489; М., 2004. Т. 5. С. 80, 118, 121, 318, 357—358, 384—390. См.: *Бенцианов М. М.* «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV—XVI вв. // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 98. Заметим также, что еще один сын князя Александра Ивановича, младший из братьев-Александровичей Федор Голубой указан среди поезжан в пространном варианте Разряда свадьбы князя Василия Даниловича Холмского 1500 г., чрезвычайно значимого по уровню привлеченной к участию знати события московской придворной жизни; Древняя российская вивлиофика, изд. Н. И. Новиковым (далее — ДРВ) / 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 3; *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. С. 37 (по поводу характера источника см.: *Назаров В. Д.* Иван III, Софья Палеолог и князь Василий Холмский (к истории политической борьбы в России на рубеже XV—XVI веков) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5: Пятые чтения памяти Л. В. Милова. С. 77—78).

¹⁴ Сын Дмитрия Юрий погиб в походе на Казань в 1487 г. (в родословных росписях конца XVII в. сохранилось также известие о его наместничестве в Русе), а внуки Владимир Бычок и Иван Глухой Юрьевичи, а также Петр Владимирович Голый в 1490-х — 1500-х гг. — новгородские помещики: ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 229;

хронология также подкрепляет наше отождествление двух инокинь Марф, жена Александра Ивановича вполне могла скончаться в 1471 г.¹⁵

Ни князь Александр, ни его отец не княжили на ростовском столе и не упоминаются в летописях, однако малозначимыми персонами их, несмотря на это, назвать совершенно невозможно. Дед Александра Ивановича, Владимир Константинович – сын главы Ростовского княжеского дома в 1331–1363 гг. Константина Васильевича. Хотя он был младшим сыном князя Константина, но, тем не менее, от него пошла особая княжеская линия, и тут нужно заметить, что в правящей в Ростове до 1474 г. Борисоглебской ветви таких линий и насчитывается всего лишь две – первая от Александра Константиновича, и наша, вторая, от Владимира Константиновича. В рассказе о великокняжеском походе к Твери 1375 г. два брата-князя из Борисоглебской ветви упомянуты каждый особо, приходя каждый со своим собственным войском, несмотря на то, что в Ростовском княжении тогда не имелось удельных городских центров¹⁶. Данное обстоятельство вынуждает предположить, что в Борисоглебской ветви ее отдельные линии, похоже, могли играть достаточно серьезную самостоятельную роль уже с самого начала ее существования. Еще более важно, что в период полной независимости Ростова монетный чекан производился от имени и Александра Константиновича (а затем его сына Андрея) из первой линии, и от сына Владимира – Константина Владимировича, из нашей, второй¹⁷. Таким образом, дядя нашего князя Александра Ивановича Константин, умерший в 1415 г., при жизни выпускал денги со своим именем, будучи главой своей княжеской линии. И здесь приходится заметить, что после его смерти это его место при обычном раскладе должен был или,

М., 2001. Т. 3. С. 3; Т. 4. М., 2004. С. 352; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 41, 42; НПК. СПб., 1868. Т. 3. Стб. 198–204. См.: Бенцианов М. М. «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв. С. 98.

¹⁵ Еще одна возможная кандидатка, вторая жена князя Александра Федоровича из Сретенской ветви, дочь боярина Константина Шеи Зернова и мать Дмитрия Шепы Мария (она переживает своего умершего после 1434 г. супруга и в постриге гипотетически могла бы получить имя Марфа), несмотря на свой действительно значимый династический статус, выпадает из нашего рассмотрения, поскольку не имеется сведений о том, что она умерла в монашестве и поскольку о ней вообще нет упоминания в подробной (и при этом явно складывавшейся на протяжении определенного времени) поминальной записи Синодика, посвященной Александру Федоровичу и его семье. С известной долей вероятности это может свидетельствовать и о том, что княгиня Мария «княже Дмитрева мати Щепина» была погребена и поминалась не в Ростове (с чем может соотноситься тот факт, что дошедшие в составе Троицких копийных книг акты фиксируют земельные сделки ее сына Дмитрия во второй трети XV в. за пределами Ростовской земли, в Бежецком Верхе).

¹⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Вып. 1. С. 301; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 446; СПб., 2002. Т. 42. С. 135. Речь в известии идет об Александре и рано умершем и не оставившем наследников Василии Константиновичах, Владимир Константинович в 1375 г., судя по всему, был еще слишком молод для самостоятельного участия в походе.

¹⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 90–95.

во всяком случае, мог рано или поздно занять именно наш Александр, поскольку Константин Владимирович не оставил прямых наследников, а Александр — старший из сыновей его единственного брата Ивана Владимировича. И Константин, и Иван Владимировичи названы в сводной выписке из судебных списков о двинских землях (т. н. «Третий список Двинских земель») в качестве бывших владельцев обширных территорий в северном ростовском анклав¹⁸, части которого по Двине и по Ваге переходят в конце XIV — начале XV в. в руки новгородцев. Отцу Александра Ивану Владимировичу согласно этому документу когда-то принадлежала Емская гора и тянущие к ней земли по берегам Ваги, включая бассейны Леди и Кулоя, а также волок на Кокшеньгу¹⁹. Впрочем, судя по тому, что в одном ряду с этими владениями в той же сделанной около 1471 г. из документов второй половины 1450-х гг. выписке названы и земли его брата Константина, умершего в 1415 г., которые явно не перешли никому по наследству и, следовательно, были утрачены еще при жизни Константина (в их числе присутствует и Челмахта, фиксируемая в составе новгородской Двинской земли уже к 1397 г.), а также и по тому, что дети Ивана как владельцы не упомянуты, вряд ли Иван Владимирович сумел передать эту часть отчины сыновьям.

В известии той же Типографской летописи о продаже зимой 1473—1474 гг. ростовскими князьями Борисоглебской ветви их половины Ростова поименно названы два наиболее статусных продавца — глава ветви Владимир Андреевич, его двоюродный брат Иван Иванович и их уже безымянные дети и племянники²⁰. Судя по всему, к этому моменту супруга нашей Марфы князя Александра уже наверняка нет в живых²¹, иначе и он, скорее всего, должен был быть указан по имени как не менее значимый участник сделки по продаже Борисоглебской половины — он тоже брат для Владимира Андреевича и Ивана Ивановича, троюродный.

¹⁸ В этом отношении братья Владимировичи оказываются наравне с самыми значимыми ростовскими князьями рубежа XIV—XV вв.: со старшим сыном основателя Сретенской ветви Андрея Федоровича Иваном, владевшим землями по левобережью Сухоны, с правящим с 1409 г. братом Ивана Федором Андреевичем и с князем Иваном Александровичем, предком Пужбольских и отцом одного из двух главных участников сделки по продаже Ростовского княжения в 1473/1474 гг. Ивана Ивановича.

¹⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 16. С. 32—33.

²⁰ «Тое же зимы продаша великому князю Ивану Васильевичю князи Ростовские свою отчину, половину Ростова съ всѣмъ, князь Володимеръ Андрѣевичъ и братья его князь Иванъ Ивановичъ и съ всѣми своими дѣтми и з братаничи»: ПСРЛ. Т. 24. С. 194.

²¹ К такому выводу подталкивает то, что не сказано о ее недавнем постриге и упомянуто лишь иноческое имя княгини, но не приведено мирское. Судя по всему, предполагаемые читатели ее уже лучше знали как иноку Марфу. Это предполагает продолжительность монашества «княгини Александровой», а оно, наиболее вероятно, могло быть связано именно с ее вдовством.

Соответственно, его и Марфы сыновья по степени родства уже оказываются среди многочисленных безымянных племянников по отношению к расстающимся с княжением от имени всей своей «братии» старшим князьям Владимиру и Ивану, и тут отсутствие специального упоминания о них уже вполне логично. Ну и добавим, что Александр был еще и потомком самого великого князя Ивана Калиты, правнуком (как и Владимир с Иваном) его дочери Марии. Таким образом, с учетом всего перечисленного княгиня Александрова инока Марфа явно могла заслуживать внимания владычного летописца. В реальности сохранявшегося вплоть до 1474 г. Ростовского княжения, где половина власти принадлежала ростовским князьям Борисоглебской ветви, ее муж при жизни являлся главой одной из двух²² линий этой правящей ветви. Его династическая роль была достаточно серьезной, более того, он имел гипотетические шансы даже и на княжение (в случае пресечения старшей линии, потомства Александра Константиновича), да еще и оставил после себя продолжателей — пятерых наследников мужского пола. Наличие пятерых сыновей неизбежно ощутимо подкрепляло династический статус их матери. С перечисленной совокупностью обстоятельств можно, как кажется, уверенно соотносить и отраженное записью летописца о ее кончине несомненно значительное положение иноки Марфы в ростовском социуме к началу 1470-х гг.

Впрочем, помимо указания на дату смерти и место погребения, а также имени и социального статуса героини и фиксации существования в тот момент ростовского монастыря Рождества Богородицы, летописное известие содержит, как нам представляется, вдобавок к этому еще и некоторую важную дополнительную информацию. Текст Типографской летописи был издан в 1924 г. Археографической комиссией по наиболее раннему Синодальному списку первой четверти XVI в., в примечаниях же были приведены разночтения по Толстовскому списку XVII в. В нем, как следует из указанного в публикации варианта, наша запись выглядит следующим образом: «...тое же зимы марта 23 преставися княгиня инока Марфа Ростовская и положена бысть в церкви Рожества святыя Богородицы в манастыри ея»²³. Обращавшиеся к тексту летописи исследователи не принимали во внимание этого варианта позднейшего списка, руководствуясь лишь основным текстом публикации, Синодальным списком, где слова «ея» не было. Следует заметить, однако, что в памятниках, которые возникают уже вскоре после Типографской летописи, используя ее материалы, например, в Прилуцком виде Летописца русского от семидесяти и дву язык, в Своде 1518 г. в данном сообщении о месте погребения Марфы также сказано именно как о «монастыре ея»²⁴. В настоящее время количество известных списков Типографской летописи

²² Если считать за отдельную линию и Пужбольских, потомков Ивана Александровича, то из трех.

²³ ПСРЛ. Т. 24. С. 188. Прим. 23.

²⁴ ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 169; М.; Л., 1962. Т. 28. С. 142.

уже ощутимо больше, чем во время ее издания, и их изучение позволило Б. М. Клоссу убедительно показать: Типографско-Синодальная редакция, по Синодальному списку которой была опубликована Типографская летопись в ПСРЛ, содержит ряд вторичных чтений по отношению к прочим, в том числе и к тем, с которыми связана общим протографом²⁵. В более же ранних редакциях (в том числе в Академической, к которой принадлежит и Толстовский список) в рассматриваемом известии 1471 г. также читается вариант «в монастыри ея».

Таким образом, ситуация зеркально меняется: это не позднейший переписчик вдруг для чего-то добавил в конец фразы притяжательное местоимение «ея», напротив, позднейший переписчик опустил это показавшееся ему малозначимым или просто ускользнувшее от внимания определение, когда копировал Типографскую летопись, создавая ее Типографско-Синодальную редакцию. Собственно, второй вариант наиболее логичен и с точки зрения чистой текстологии: куда сложнее представить, что писец по своей инициативе зачем-то вставляет в текст подобную деталь. Следовательно, в его протографе, в ростовском владычном своде 1489 г., было сказано, что усопшую княгиню иноку Марфу Ростовскую положили в ее монастыре.

С точки зрения нынешнего словоупотребления это уточнение кажется мало что меняющим: в современном контексте его самая очевидная интерпретация связана с тем, что княгиню похоронили в монастыре, где она была пострижена, т. е. ее монастырь — это та обитель, инокиней которой в момент кончины являлась Марфа. Однако мы имеем дело с текстом средневекового летописца, и автор, и читатели которого руководствовались отличными от ныне действующих представлениями и нормами. И здесь анализ всей совокупности сообщений летописания о кончинах и местах погребений (формуляр которых достаточно устойчив) в итоге вынуждает к выводу: в летописном узусе указание именно на *монастырь ея/ею* в данном контексте подразумевает несколько иной характер связи обители с погребаемым лицом, которое при жизни всякий раз оказывается основателем и/или патроном того монастыря, где в итоге обретает упокоение.

Приведем лишь некоторые примеры: «преставися раба Божия благоверная княжени Мариа Андреева, мати суши Владимиру въ чернецахъ и въ скиме, наречено бысть имя еи въ мнишескомъ чину Марфа, и положена бысть въ церкви святого Рожества, въ честномъ ея монастыри, иже сама создала, еще суши при своемъ животе», сказано в Рогожском летописце под 1389 г. о кончине матери князя Владимира Андреевича, основавшей московский монастырь Рождества Богородицы²⁶. Никоновская летопись

²⁵ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2004 г. // ПСРЛ. Т. 24. С. V–X. См. также: Новикова О. Л. О происхождении Синодальной редакции Типографской летописи // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2014. Вып. 7. С. 3–22.

²⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Вып. 1. Стб. 157.

под 1402 г. содержит следующий текст: «месяца июля в пятый день, преставился князь велики Олег Иванович Рязаньский во иноцех и схиме, нареченный в святом крещении Иаков, а в мнишеском чину Иаким, и положен бысть в его отчине и дедине на Рязани, за Окою-рекою, в монастыри его глоголемом Солотчша»²⁷. Уваровский вид Летописца русского от семидесяти и дву язык сообщает о смерти Марии Всеволожей под 1206 г. следующим образом: «Того же лѣта преставися княгини Всеволожа Марья во мнишьском чѣну и положиша ея в монастыри ея, а лѣжа в немощи 7 лѣтъ»²⁸. Авторы Степенной книги, которые обращаются к тому же сюжету о создании Княгинина монастыря во Владимире великой княгиней Марией, озаглавливают свой текст следующим образом: «О благодарномъ тръпѣнии великиа княгини Марии Всеволожи и о монастыри ея»²⁹. Характерно, что в более раннем источнике то же самое известие 1206 г. выглядит несколько иначе: «Престависѣ блгѣвѣрная великая княгини Всеволожая. именемъ Мрія. бывши въ мнишьскомъ чину. иѣ. днѣи. и положена бысѣ в монастыри своемъ. в цркви стѣя Бѣѣ. юже созда»³⁰. Данный пример демонстрирует, что для книжников XV–XVI вв. местоимения «ее» и «свой» в указанном контексте были взаимозаменяемы: создание храма или монастыря фиксировало отношения, в рамках которых те в качестве «Stiftung»³¹ оказывались «своими» или «ее»/«его» для строивших/устроивших их основательницы или основателя³². В этом смысле особо показателен вариант из рассказа Симеоновской летописи о кончине в 1271 г. княгини Марии Михайловны, вдовы Василка Ростовского: «Тое же зимы престависѣ благовернаа христолюбивая княгини Васильковаа мѣсяца декабря въ 9 день, а въ лѣто индикта 14-тое на память Зачатїа святыа Богородица, яко литургию поють по всему городу, ту сущю въ монастыри у нея Борису князю съ княгинею и с дѣтми, а Глѣбу тогда сущю въ Татарѣхъ, и предасть душу тихо и нетрудно, безмятежно. Слышаша вси людїе града

²⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 11. С. 188.

²⁸ ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. 60. Прим. 12.

²⁹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий. М., 2007. Т. 1. С. 456.

³⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Вып. 2. Стб. 424.

³¹ Об этом ставшем важным для всей медиевистики понятии см.: *Borgolte M.* «Totale Geschichte» des Mittelalters? – Das Beispiel der Stiftungen. Berlin, 1993. (Humboldt-Universität zu Berlin, Öffentliche Vorlesungen, Heft 4). S. 8–12. См. также: *Idem.* Die Stiftungen des Mittelalters in rechts- und sozialhistorischer Sicht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 1988. Bd. 74. S. 71–94.

³² Важной иллюстрацией тут оказывается четкое различие между домовыми патриаршими монастырями, находившимися в ведении Никона в период его пребывания на патриаршестве, и создававшимися тогда же «монастырями его строения» / «монастырями Никона монаха строения» – т. е. *своими*, его личными ктиторскими монастырями Воскресенским в Новом Иерусалиме, Иверским Валдайским и Кийским Крестным, которое проводится в официальных документах: Дополнения к актам историческим, собр. и изд. Археографической комиссией. СПб., 1855. Т. 5. С. 477–480.

Ростова преставление ея и стекошася вси людїе въ монастырь святого Спаса, епископъ Игнатїи, и игумени, и попове, и клирици, п вше над нею обычныя пѣсни, и погребоша ю у святого Спаса въ своемъ еи монастыри съ многими слезами»³³. Ростовское епископское летописание донесло это известие в краткой редакции, без пояснения, что «свой» — это именно «свой ей»: «престависъ княгини Мрѣа Василкова. дек. ѿ. въ Зачатье. въ днѣ вбѣдню поють. тѹ сущѹ снѹ еа Борисѹ съ княгиною и з дѣтми. и положиша и оу стѣго Спса. въ своемъ монастыри», при этом мы знаем, что тот же «свой» для княгини Марии и «свой ей» монастырь вскоре после ее смерти, в 1279 г., уже именуется «Княгининым» — точно так же, как и владимирский монастырь, «ее монастырь» для Марии Всеволожей³⁴.

В интересующем нас отношении показательны и варианты формирования названий русских средневековых монастырей: те могут именоваться по их святому покровителю (это основной вариант), по их основателю-ктитору (как только что было сказано, Княгинин, Царицынь, Янчин, Митрополичь, Стефанечь и т. п.) или по имени игумена (Германечь, Денисьев на Глушице и т. п.), при этом чем ближе к Новому времени, тем все чаще начинает складываться ситуация, при которой это одно и то же лицо: основатель монастыря и его первый игумен становится затем и его святым патроном (Сергиев, Иосифов, Варлаамов)³⁵. Собственно, данные примеры тоже демонстрируют, для кого в тот период монастырь мог при жизни определяться как «свой» или «его/ее», и те же самые закономерности ярко отражают и актовые и агиографические материалы: речь в этом контексте может идти либо об основателях, либо о ктиторах, либо о настоятелях. Последнее тоже находит свое отражение и в летописном словоупотреблении: с новгородской архимандритии и из «дома святой Софии» прежде бывшие игуменами Коломецкого и Клопского монастырей Моисей и Феодосий возвращаются на покой в *свои* монастыри. Первый в 1330 г. «вышелъ бяше по своей воли къ святой Богородици на Коломци въ свои монастырь» и постригся там в схиму, о втором же сказано, что в 1424 г. «сослаша новгородци Феодосиа въ свои монастырь, бѣ два лѣта на снѣх в дому святѣи Софїи»³⁶. Ту же традицию продолжает и более позднее летописание: «преставися архіепископъ Іона Великого Новагорода и Пскова; и положиша тѣло его во его монастыри въ Отни пустыни»³⁷.

³³ ПСРЛ. Т. 18. С. 74.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 525; Т. 18. С. 77.

³⁵ О параллельных этому постепенных изменениях в восприятии отношений ктитора социумом см.: Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси XI — начала XVI века. М., 2012. С. 186—187.

³⁶ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 97, 99, 414.

³⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 12. С. 125. При этом «Повесть об Ионе, архиепископе новгородском» подробно рассказывает, как уже в статусе новгородского владыки Иона берет на себя и роль ктитора этой обители («еиже и ктиторъ именовася блаженныи»), и подробно описывает связанные с этим действия: строительство и украшение зданий, вклады, получение для монастыря иммунитетных грамот

При этом сколь-нибудь заметного распространения варианта, когда обитель бы называлась в ранних источниках «своей» («его/ее») не для тех, кто обладает (ранее владел) в ее отношении властными полномочиями или правами собственности в качестве ктитора или игумена, а для ее обычного постриженника или постриженицы, хотя бы и статусных в своем мирском прошлом, не наблюдается³⁸.

То, что в рассматриваемых записях летописей о княжеских кончинах ключевым фактором, который обеспечивает именование летописцем места посмертного упокоения являвшегося при жизни ктиторм героя записи своим или его по отношению к этому герою, оказывается не предшествующее пострижение там, а именно основание им храма и последующий патронат, явным образом отражено в происходящем из Троицкой летописи и следующем обычному формуляру сообщении 1393 г. о преставлении и погребении московского вотчинника: «сентября въ 21 день преставися Иван Михайлович, нарицаемый Тропарь, в бѣлцѣх и положен въ своемъ монастыри на сѣле своемъ»³⁹. Также *своим* называется по отношению к живому и остающемуся в момент появления летописной статьи в миру ктитору и монастырь в окрестностях Новгорода, который в дальнейшем будет именоваться Сырковой пустыней по прозвищу его основателя: «того же дни заложил Феодоръ Дмитреевъ сынъ Сырков диякъ в своемъ монастыри церковь камену пречистую владычицу Владимирскую»⁴⁰. Собственно, ровно те же нормы фиксируются и за пределами летописного

от великого князя, поручение Пахомию Логофету создать «последование бледнию» св. Онуфрию Великому, храм которого был в Отней пустыни, предсмертное написание собственноручного «завета» о своем монастыре и «поручение» его своим преемникам на кафедре и, наконец, погребение в построенном им самим храме: Повесть об Ионе, архиепископе новгородском // Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). СПб., 2000. Т. 7. С. 240–252.

³⁸ При этом возможно употребление местоимения множественного числа: постоянно встречается именование монастыря «нашим» или «вашим» по отношению к общности его насельников – братии во главе с игуменом и старцами, в том числе и от лица отдельных представителей братии. Так, в судебном споре 1574 г. новгородских Духова и Николо-Вяжицкого монастырей в качестве и истца, и ответчика выступают «игумены с братиею», и именно от лица «нашего монастыря» всякий раз предъявляют претензии и отвечают на вопросы судей конкретные представители сторон: «спросили Николы Вяжитцкого монастыря игумена Селивестра: Отвечай, и за братью своего монастыря отвечаешь ли? И игумен Селивестр бил челом: В мое, господине, и во всей братьи нашего монастыря место отвечает перед вами нашего Вяжитцкого монастыря слуга Ворошило Сьянов»; «их монастырь – место сильное, а наш монастырь – место убогое» и т. д.: Анкудинов И. Ю., Баранов К. В. Акты Новгородского Духова монастыря 1574–1595 годов // Русский дипломатарий (далее – РД). М., 2003. Вып. 9. № 1. С. 343.

³⁹ Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 443.

⁴⁰ ПСРЛ. М., 2009. Т. 30. С. 182. Федором Сырковым патронировался и новгородский монастырь Рождества Николы на Розважи улице (Сырков монастырь): в 1568 г. «мѣсяца августа в 8 день в неделю на Разважи улицы в монастыри у Федора у Дмитреева сына свѣщаль владыко Пимин церковь каменую новою свѣаго чудотворца Николу при игумене Трифоне»: Там же. С. 157.

узуса: в том самом 1471 г., когда умерла наша княгиня инока Марфа, сын посадника Василия Степановича Иван дает жалованную грамоту созданному его отцом в новгородском Поважье монастырю Иоанна Богослова: «Се яз Иван Васильевич с своею женою Евдокеєю дал есмь в дом святого Иоанна Богослова и Трех Святитель в свои монастырь во общину по своих родителей в поминание за упокой, а за себе и за свою семию бога молити, два села на Паденге»⁴¹. При этом *своей* обитель для этой семьи является во всех смыслах: она была основана и обеспечена землями еще отцом Ивана Василием⁴², который дал ей и уставную грамоту, и постригся в ней под именем Варлаама (впоследствии монастырь стал называться Варламовым), и даже стал в итоге ее святым патроном.

Таким образом, как монастырь, так и село (позднейшее с. Тропарево) на взгляд летописца являются для Ивана Тропаря одинаково *своими*, и это в точности отражает средневековые правовые отношения патроната, которые включали не только лишь пожертвования со стороны патрона-ктитора и обязанность причта или братии поминать его в молитвах при жизни и после смерти, но еще и реальные властные права патрона, предполагающие контроль над кандидатурами настоятелей, возможность распоряжения имуществом обители и даже реорганизации или ликвидации монастыря⁴³. Применительно к древнерусскому периоду эти отношения проанализированы в работах Я. Н. Шапова и Б. Н. Флори (в значительной части именно на материале, связанном с княжескими монастырями)⁴⁴, мы же для наглядности лишь приведем два примера реального проявления таких отношений в близкое к рассматриваемому время. В 1479 г. великий князь Иван Васильевич берет на себя покровительство над построенным когда-то московскими гостями, но начавшим «оскудевать» храмом соименного ему святого: «заложил церковь Иоанна Златаустаго великий князь Иван Васильевич камену, а преже бывшую деревянную разобрал; бе же та изначала церковь гостей Московских строение, да уже и оскудевати начят монастырь той; князь же великий учини игумена тоя церкви выше всех соборных попов и игуменов града Москвы и заградских попов еще за лето преже сего, егда обет свой положи, понеже бо имя его наречено бысть егда бывает праздник принесение Иоана Златаустаго, генуариа 27;

⁴¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНИП). М.; Л., 1949. № 281. С. 282.

⁴² Отмечено, кстати, что среди земель, данных около 1451/1452 г. своей обители ее основателем, назван и купленный им Онтропиев остров, судя по всему, прежде, в конце XIV в. принадлежавший отцу князя Александра Ивановича Ивану Владимировичу и входивший в состав ростовской Емской горы: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 89.

⁴³ О нормах и практиках ктитинства в Византии см.: Thomas J. Ph. Private Religious Foundations in the Byzantine Empire. Washington, 1987. Dumbarton Oaks Studies. 24.

⁴⁴ Шапов Я. Н. Государство и Церковь в Древней Руси, X–XIII вв. М., 1989. С. 132–150; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 51–72.

а в застенке тоя церкви повеле церковь другую учинити, того же месяца 22, Тимофея Апостола, в той день родися; а ту разбраную церковь деревяную повеле поставити в своем монастыре у Покрова в Садах, еже и бысть, первую малую розобрав»⁴⁵. Как видим, изначально несущий или взявший на себя финансовое обеспечение построенных или строящихся им обителей великий князь уже лично принимает решение о возведении, разборке и передаче между ними их строений.

В тех же 1470-х гг. унаследовавшая после мужа великого князя Василия Васильевича по его завещанию долю власти в Ростове Мария Ярославна не менее решительно распоряжается там в патронируемых ею монастырях. В данном случае речь о ростовском Борисоглебском, изначально связанном с местным княжеским домом, но после получения «старейшего» княжения в Ростове великими князьями Московскими обретшим новых покровителей. То, как именно произошло попадание обители под великокняжеский патронат, кратко, но емко описано в «Повести о Борисоглебском монастыре». При его четвертом игумене Питириме во второй половине 1430-х гг. «къ пречистой и къ великымъ страсготръпцем Борису и Глебоу благовѣрныи и христолюбивыи господарь князь великыи Василеи Васильевичь всея Русии і мати его великия княгине Софья въ вбитель сию начаяша вѣру велію имѣти і подаваша мнѣгыя жаловалныя грамоты потребныя монастырю. И вттоль началь княз великыи Василеи Васильевичь звати своим монастырем, і съи же Питиримъ крести оу великого князя Василія Васильевича сына князя Ивана»⁴⁶. Впрочем, наследный статус «своего монастыря» для борисоглебских иноков оказался сопряжен не с одними лишь пожалованиями: так, после пожара в 1477 г. Спасо-Каменного монастыря⁴⁷ в уделе Андрея Васильевича великая княгиня Мария Ярославна отдала вкладом в пострадавшую обитель небольшой Святолуцкой монастырь с принадлежащими тому деревнями у истоков Сухоны и всем его движимым и недвижимым имуществом. Для этого благочестивого жеста поддержки монастырь на Святой Луке, однако, Марии сначала пришлось изъять у Борисоглебского монастыря, которому он до того принадлежал, являясь приписным и подчиняясь тамошним игуменам, поскольку сам был создан основателем Борисоглебского мона-

⁴⁵ ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С. 200–201.

⁴⁶ Повесть о Борисоглебском монастыре [около Ростова] XVI века (сообщ. Хр. Лопарева) // Памятники древней письменности и искусства (изд. ОЛДП). СПб., 1892. Вып. 86. С. 12.

⁴⁷ Если принять мнение О. Л. Новиковой, согласно которой обнаруженные ею летописные заметки 1560-х гг. из рукописи ОР РНБ. Кир.-Бел. мон. № 27/1104 точнее передают последовательность событий, нежели приписываемое Паисию Ярославову «Сказание о Спасо-Каменном монастыре»: Новикова О. Л. Летописные заметки в Кирилло-Белозерской рукописи 60-х гг. XVI века и Сказание о Спасо-Каменном монастыре // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2008. Вып. 12. С. 62, 90. Заметим, однако, что и автор Заметок, и автор Сказания весьма свободно компонуют материал, руководствуясь собственными принципами, не всегда связанными с хронологией.

стыря преподобным Феодором⁴⁸. Причем в указной грамоте великой княгини прямо говорится лишь о том, что она компенсирует после описания имущества забираемой обители владевшей ею до тех пор борисоглебской братии одну только стоимость «в церкви книг и иной руги церковной всей и жита монастырского» в житницах и на поле⁴⁹, но сведений о компенсации игумену и инокам за отчуждаемые у них вотчины и строения приписного монастырька в грамоте нет, как не сообщается и о каких-то земельных владениях или крупных пожалованиях, полученных от Марии Ярославны, и во вкладных и кормовых книгах Борисоглебского монастыря.

В этом смысле показательно, что хотя именование обителей «своими» со стороны их настоятелей встречается чрезвычайно часто, однако взаимное соотношение прав патрона и игумена, когда речь заходит об этом, таково, что своим монастырь оказывается в первую очередь именно для обладающего верховными (в том числе и судебными) правами и по отношению к нему, и к его властям патрона. Это в той или иной мере демонстрируют как известные перипетии, связанные с патрональной подчиненностью Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоцкого монастырей, так и Уставная грамота митрополита Киприана 1391 г. митрополичьему Цареконстантиновскому монастырю и его игумену: «Се яз Киприан митрополит всеа Руси дал есмь ею грамоту монастырю своему святому Костянтину и игумену, что ми били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема...»⁵⁰.

В нашей записи о смерти и погребении княгини иноки Марфы известный еще с домонгольских времен в подобных летописных формулах оборот «юже сама создала»⁵¹ по отношению к церкви, где похоронена Марфа, не употреблен, как о «ее» сказано лишь о монастыре при этой церкви. О ее постриге также не упомянуто, что, скорее всего, предполагает относительную длительность предшествовавшего кончине ее пребывания в иночестве, не названа она и игуменьей этого монастыря. Можно с осторожностью предположить, что церковь Рождества Богородицы не была построена непосредственно княгиней (но ктиторм данного храма мог являться, к примеру, ее муж). Заслугой же Марфы, скорее всего, было

⁴⁸ Прохоров Г. М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 160.

⁴⁹ АСЭИ. Т. 3. № 268. С. 283.

⁵⁰ АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 201. С. 179–180.

⁵¹ Устойчивость данного оборота применительно к князьям домонгольского периода в летописных известиях об их кончине позволила А. С. Преображенскому высказать мнение о с самого начала осознаваемой и летописцами, и самими заказчиками храмов и основателями монастырей связи между актом ктитинства и правом на погребение в храме, которое получают ктитор и его ближайшие родственники и потомки, с «попыткой изменения их посмертной судьбы в лучшую сторону»: Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси XI – начала XVI века. С. 66.

устройство и хозяйственное обеспечение существования при этой церкви сообщества монахинь, в число которых вошла после пострига и сама княгиня, т. е. собственно «строение» ею монастыря, патронат. Сущность подобной миссии кратко и точно сформулирована в грамоте архиепископа Дионисия игумену и братии Снетогорского монастыря 1382 г.: «киторъ сего честного монастыря, рекше создатель, создавъ сій монастырь и братью совъкупивъ, и уставъ въведе», сделал это, по определению архиерея, «на спасеніе душамъ челоуѣческимъ, пребывающимъ въ монастыри семь, и всѣмъ христоименитымъ людемъ на пользу и похвалу, пребывающимъ въ богахранимомъ семь градѣ...»⁵².

В реальности мотивы такой акции Марфы могли включать и собственно религиозный аспект, и мемориально-династический, поскольку она преследовала как цели спасения души отказывающегося от переданного для устройства иноческой жизни общине и ее святой покровительнице Богоматери имущества донатора, так и организации будущего регулярного поминального монастырского богослужения по всему роду княгини и по ней самой после ее смерти и погребения⁵³. Наиболее близкой параллелью тут может служить известный летописный рассказ о нижегородской княгине Василисе Ивановне, вдове великого князя Андрея Константиновича: та «много плакавши по князи своемъ, пребысть вдовою 4 лѣта, по семь пострижена бысть от Діонисіа архимандрита Печерьскаго и наречено бысть имя ей Феодора. И бысть тогда ей отъ роженіа лѣтъ 40 и раздавали все имѣніе свое и казну свою церквамъ и монастыремъ и нищимъ, а слугы своя рабы и рабыня распустила на слободу, а сама нача жити въ монастыри оу святаго Зачатіа, иже сама создала при князи своемъ. Живяше же въ молчаніи, тружаяся рукодѣліемъ, постомъ, поклоны творя, молитвами, слезами, стояніемъ ношнымъ и неспаніемъ, многажды и всю ночь безъ сна пребываше въ смѣреніи же и кротости и тихости жестоко пребываше и постшеся овогда чрѣсъ день, овогда чрѣсъ два, иногда же и пять днеи не ядыше, въ мовницу не хожаше, въ срачицѣ не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше, пива и меду не піаше, на пирѣхъ и на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не исхожаше, злобы никакое-

⁵² РИБ. СПб., 1880. Т. 6. № 24. Стб. 210. Помимо уже упомянутой в прим. 37 «Повести об Ионе, архиепископе новгородском» значим в смысле восприятия киторского подвига и его мотивов также и летописный рассказ об отношении митр. Алексия к своему для него Чудову монастырю: ПСРЛ. Т. 18. С. 121.

⁵³ В этом смысле показательно, что постригаясь и основавшая свой монастырь дочь великого князя Ярослава Ярославича Софья Тверская посвящает главный храм обители именно святому Афанасию, патрону ее умершего отца: *Кучкин В. А.* Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира. История и современность. 2002. М., 2002. С. 139. Важнейшую роль устройства места посмертного упокоения и поминовения самого ктитора или его близких в мотивах киторской акции постоянно фиксируют как нарративные, так и актовые источники (см. напр.: ГВНИП. № 129. С. 186). О традиции княжеских «отних» монастырей см. также: *Преображенский А. С.* Киторские портреты средневековой Руси XI – начала XVI века. С. 66–69, 71–73.

го же не дрѣжаше, гнѣва и ярости никакого же не имѣяше, ко всемъ любовь имѣяше. Таковое же доброе и чистое житіе ея видѣвше, мнози боярыни, жены и вдовици и дѣвци мнози постригошася у нее, яко бысть ихъ числомъ и до девяноста, и вси общее житіе живяху. Княгини же Василиса, нареченаа преподобнаа Феодора, поживши въ черницахъ 8 лѣтъ и поболѣвши нѣколько днеи преставися къ Богу, преиде отъ труда въ покои, отъ суетнаго сего житія въ жизнь вѣчную и бысть ей вѣчнаа память»⁵⁴. Впрочем, между агиографическим топосом полного отказа от мирских благ, включая социальный статус, и реальным положением дел вполне могла существовать очевидная дистанция. Достаточно вспомнить о той же Марии Ярославне, вдове великого князя Василия Васильевича: даже приняв спустя полтора десятилетия после кончины мужа в 1478 г. постриг и перебравшись в собственный двор в кремлевском Вознесенском монастыре, уже в качестве великой княгини инокини Марфы она сохраняла за собой и титул, и власть в огромном вдовьем уделе, и служащих ей бояр, более того, играла важную роль в политической жизни великого княжения Московского во время мятежа великокняжеских братьев и стояния на Угре 1480 г.

Применительно к монастырю ростовской княгини ничего не говорится об «общем житии» («общине»), нередко упоминаемом в том числе и в связи с ктиторскими монастырями той эпохи. Судя по всему, общежительства в нем действительно не было изначально: лишь в конце XVIII — начале XIX в. у Рождества Богородицы в Ростове вводится общая трапеза и совместное житие⁵⁵. Небольшой монастырь с деревянным храмом и с несколькими сестринскими кельями без способных надежно обеспечить большое число насельниц земельных владений, существующий за счет руги — именно так выглядит Рождественская обитель в середине XVII в., и, как можно предположить, примерно в таком формате она и существовала на протяжении почти двух предшествующих столетий⁵⁶.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 132–133. Заметим, что так же, как и княгиня Марфа, княгиня Василиса не именуется игуменией своего монастыря, что, возможно, связано с тем, что она постриглась уже после его основания.

⁵⁵ Еще во второй половине XVIII в. инокини жили там в собственных особых кельях (по Описи 1763 г. «монахинских в разных местах состоящих 25 келей, которые построены собственным тех монахинь коштом, те кельи покрыты тесом и дранью»): Опись Ростовского архиерейского дома 1763 года // *Виденеева А. Е.* Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века. М., 2004. С. 201. При этом наиболее знатные сестры даже продолжали держать личную прислугу: *Виденеева А. Е.* О Ростовском Рождественском монастыре в XVIII веке // ИКРЗ. 1997. Ростов, 1998. С. 70.

⁵⁶ В этом смысле «дом Рождества Богородицы» оказывается менее обеспечен, чем расположенный неподалеку, за соборной площадью, «дом Воскресения», возникший при церкви Воскресения столь же небольшой монастырь. Тому в 1458 г. великокняжеский дьяк Стефан Ростовец под условием еженедельного поминания своего умершего сына и «всего рода нашего» дал не только денежный вклад, но и сохранявшиеся за храмом и в XVII в. две деревни, с которых должна была идти «попу с дьяконом половина жит(а), а черничам воскрес(е)ньским половиин(а) жит(а)»: *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надпи-

Денежная руга царей и великих князей, которая ежегодно платилась игуменьи и сестрам из ростовских таможенных доходов, могла, как и в некоторых других подобных случаях, восходить еще ко времени Ростовского княжения, с учетом того, что при присоединении прежде независимых княжеств великие князья Московские обычно принимали на себя и существующие обязательства прежних династий по отношению к местным церковным институциям. С учетом того, что для мужа княгини иноки Марфы как статусного представителя владевшей половиной Ростова Борисоглебской ветви при жизни было вполне вероятным обладание наследным правом на какие-то доли городских доходов и пошлин, часть которых могла быть завещана им своей княгине, имеется некоторая почва для предположения о связи с ее ктиторским вкладом происхождения традиции государевой руги Рождественскому монастырю, которая в этом случае могла бы восходить к реалиям до 1474 г. Возможность каких-то земельных пожалований своей обители в ситуации случившейся еще при жизни ее свекра Ивана Владимировича утраты наследных владений того на севере и при наличии очевидно нуждавшихся в землях для поддержания своего княжеского статуса пятерых сыновей явно была вряд ли сколь-нибудь реальной для вдовой княгини-матери. При этом именно к ее детям неизбежно должны были перейти права патроната над *своим* монастырем, при жизни принадлежавшие иноке Марфе, что предполагало и заботу о сохранении обители и о том, чтобы память матери и память их прочих усопших родичей почиталась у Рождества Богородицы надлежащим образом.

Эту обязанность, однако, князья-Александровичи не смогли исполнить в должном объеме по независящим от них причинам: уже в 1474 г. принадлежавшая их ветви власть в Ростове оказалась, как было сказано, продана главой Борисоглебской ветви от имени всех принадлежащих к ней князей (его «братии») великому князю Ивану Васильевичу, а еще спустя десятилетие ростовские князья начинают переселяться великим князем в только что присоединенную тем Новгородскую землю, получая поместья из состава владений, конфискованных у тамошних собственников⁵⁷. Части князей Ростовских (в том числе сыновьям Владимира Андреевича, Темкиным, некоторым из Приимковых) удастся при этом сохранить за собой вотчины в Ростовской земле, но потомство Ивана Владимировича явно оказывается среди тех из сородичей, кто был вынужден покинуть

сями XV — первой четверти XVI в. М., 1971; САИ Археология СССР. Свод археологических источников. Е1—49. № 100. С. 29—30, 92—94.

⁵⁷ См.: Бенцианов М. М. Княжеский элемент в новгородской поместной корпорации на рубеже XV—XVI вв. С. 95, 98; Сергеев А. В. Князья Ростовские (Устретенские) во второй трети XVI века // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2015. Вып. 28. С. 26—35; Он же. Ростовские Рюриковичи в XVI—XVII веках: политическая деятельность и землевладение // ИКРЗ. 2016. Ростов, 2017. С. 173, 188—190.

родные места⁵⁸. Больше в Ростов сыновья и внуки Марфы не возвращаются (их имен уже нет и в Ростовском соборном синодике), что должно было разорвать в том числе и их патрональную связь с местными обителями. Впрочем, единственный женский монастырь в городе, даже и лишившись своих непосредственных покровителей, все же сохраняется до Нового времени, хотя в этот период его сложно отнести к процветающим.

Очевидно, что наши наблюдения о ранней истории монастыря Рождества Богородицы плохо сочетаются с бытующей краеведческой и церковно-исторической традицией, в рамках которой обитель была основана племянником Сергия Радонежского ростовским архиепископом Феодором в период его архиерейства (1389–1394). В подобном случае она неизбежно должна была бы оказаться «своей» не для нашей княгини, а для Феодора и его преемников на кафедре, в ведение которых перешел бы созданный их предшественником новый монастырь, следов чему в ранних источниках, однако, не обнаруживается. Рассмотрим те основания, которые фиксируются для данной традиции. Впервые об этом прямо говорит в 1813 г. в «Истории российской иерархии» епископ Амвросий, но, впрочем, без указания на происхождение своих сведений⁵⁹. Описывающий несколько позже святыни Ростова М. В. Толстой оказывается тут более осторожен, лишь отмечая, что святому Феодору «приписывается» основание ростовской обители⁶⁰. Ростовец протоиерей Аристарх (Израилев) в своих трудах начиная с 1858 г. по этому вопросу уже уверенно ссылается на труд епископа Амвросия, а также на «христианские месящесловы» и на тропарь святому⁶¹. Древних рукописей и актов в монастыре не сохранилось, а его реликвии, непосредственно связываемые с личностью Феодора, в таком своем качестве были описаны уже только в середине XIX в. В наиболее ранней редакции жития святителя сообщений об основании им ростовской обители также не содержится⁶². Документы из архива монастыря отмечают наличие там иконы святителя Феодора в молении (подобная икона находилась и в расположенном рядом городском соборе⁶³). Впрочем, само

⁵⁸ Ласткины, Касаткины и Лобановы в первой половине XVI в. находятся в составе новгородской служилой корпорации, Голубые-Ростовские в 1530-х гг. служат князю Андрею Старицкому и являются тверскими землевладельцами.

⁵⁹ *Амвросий, еп. [Орнатский]*. История российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 700.

⁶⁰ *Толстой М. В.* Древние святыни Ростова Великого. М., 1847. С. 56.

⁶¹ *Израилев А. А.* Описание Ростовского, Ярославской губернии, Рождественского девичьего монастыря. С. 8. В издании 1899 г. уточнено, что источником текста тропаря являются «святцы при Псалтири с возследованием, напечатанной при патр. Иосифе»: *Израилев, А. А., прот.* Ростовский Ярославской губернии Рождественский третьеклассный женский монастырь. СПб., 1899. Прим. на стр. 10.

⁶² Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа, Ростовского чудотворца и основателя Московского Симонова монастыря. Ярославль, 1877.

⁶³ *Вахрина В. И.* Икона XVII в. «Феодор архиепископ Ростовский» из собрания Ростовского музея-заповедника // Памятники культуры. Новые открытия. 1994. М., 1996. С. 177.

по себе присутствие такого образа прямо свидетельствует лишь о почитании Феодора, и то, что его икона появляется в построенном и украшенном при митрополите Ионе монастырском храме, проще всего связать с некоторыми мерами для оформления культа этого святителя в Ростове, которые, как было отмечено, принимаются именно при архиерействе Ионы, находя свое выражение в выделении надгробного комплекса Феодора в кафедральном соборе и в появлении в ряде ростовских церквей нескольких икон и фресок с его изображением⁶⁴. Как известно, однако, почитание в Ростове святости этого архиепископа, всерьез так и не начавшись, вскоре быстро затухает, не получив в то время дальнейшего развития⁶⁵.

Представлений о прямой связи основания местного монастыря Рождества Богородицы с именем святителя Феодора в конце XVII – первой половине XVIII в. среди самих ростовцев также еще не фиксируется: указания на это, к примеру, еще не содержит относимый к творчеству Димитрия Ростовского «Летописец о ростовских архиереях» («Архиереом ростовским летопись»)⁶⁶. Впервые подобная идея, и то лишь в качестве предположения, звучит в Описи Ростовского архиерейского дома 1763 г., причем со ссылкой на тропарь святителю Феодору, содержащийся в ряде московских печатных изданий XVII в. (в Следованных Псалтирях и Месяцесловах⁶⁷). «Об том монастыре в тропаре Святому Феодору, архиепископу Ростовскому.. про между прочим известуется, что Рождественской монастырь построен оным строителем Феодором, архиепископом Ростовским», замечает автор Описи по поводу времени возникновения обители, добавляя к этому, что и наличие в ней жалованных грамот Иоанна и Петра Алексеевичей тоже заставляет думать, что монастырь возник еще «в давния времена»⁶⁸. В тропаре действительно сказано, что святитель «превеликую обитель воздвиже Пресвятая Богородицы в похвалу Рождеству Ея».

⁶⁴ Мельник А. Г. История почитания ростовских святых в XII–XVII веках: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2003. С. 157.

⁶⁵ В XIX в. у надгробия Феодора в Успенском соборе в день его преставления служились лишь панихиды (см.: Крылов А. С. Иерархи Ростовско-Ярославской паствы, в преемственном порядке, с 992 года до настоящего времени. Ярославль, 1864. С. 75), и только по многократным прошениям ростовцев втор. пол. XIX – нач. XX в. с 1912 г. его память начала отмечаться праздничной церковной службой.

⁶⁶ Летописец о ростовских архиереях. ОЛДП. СПб., 1890. С. 7. О времени создания данного памятника см.: Тарасов А. Е. О времени и обстоятельствах создания «Летописца о ростовских архиереях» // ИКРЗ. 2012. Ростов, 2013. С. 200–210. При этом опубликовавший «Летописец» А. А. Титов в своем комментарии о Феодоре как об основателе ростовского монастыря пишет уже без всяких оговорок, более того, одновременно еще и пытается поставить под сомнение факт основания святым московского монастыря на Симонове: Титов А. А. Примечания // Летописец о ростовских архиереях. С. 13. Прим. 3.

⁶⁷ Подробнее см.: Карбасова Т. Б. Святцы 1646 г.: памяти русских святых // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 249–301.

⁶⁸ Опись Ростовского архиерейского дома 1763 года. С. 201.

Любопытна, однако, история формирования текста тропаря Феодору, предшествующая его включению в печатные издания. Встречающееся в литературе мнение об *общецерковном прославлении* святости этого ростовского архиепископа еще в XV в. и о том, что его память уже в то время встречается в месяцесловах, в качестве своей основы обнаруживает лишь одну реальную рукопись этой эпохи. Рукопись, однако, оказывается весьма примечательной, поскольку принадлежит к числу сборников знаменитого кирилловского книжника Евфросина, это предполагаемый «Евфросиновский потребник» (ОР РНБ. ф. 351. Кир.-Бел. мон. № 6/1083)⁶⁹. Кодекс имеет сборный характер, и поскольку тетрадь (№ 29), в которой находится интересующий нас тропарь, не имеет филиграней, то ее датировка может быть относительно широкой, включая 70–80-е гг. XV в.⁷⁰, а в целом формирование сборника завершается, по мнению разных исследователей, в 1480-х гг., в конце 1490-х или даже в 1500-х гг.⁷¹ Текст на лл. 196–211, характеризующийся как «ядро» месяцесловных записей кодекса и содержащий ряд тропарей, в том числе и тропарь «Феодору архиеп(и)с(ко)поу Рос(то)вскому», принадлежит руке самого Евфросина. Приведем текст тропаря из данного сборника⁷² в сравнении с тропарем из святцев московской печати первой половины XVII в.⁷³

Кир.-Бел. м. № 6/1083 (1470–1480-е гг.)	Святцы 1646 г.
Вт юности мудре прилѣжно подвизався, идѣже и превеликою лавроу пресвятѣи Богородици сздаде еси пречюдныя хвалы, строуями ж слезь твоихъ бесплотныя врагы погроузилъ еси, и житія твоего цѣломудриемъ съ аггель- скими ликы совокупися, преподобне Феодоре, с ними же Христа Бога моли спа- стися душамъ нашимъ.	От юности, премудре, прилѣжно подвизався, // и извѣщениемъ святаго Духа превеликую обитель воздвиже Пресвятяя Богородицы в похвалу Рожеству Ея, струями же слезь твоихъ бесплотныя врагы погроузилъ еси и житія твоего цѣломудриемъ со аггель- скими лики совокупися, преподобне отче Феодоре, с ними же Христа Бога моли спастися душамъ нашимъ.

Как видим, оба текста в целом чрезвычайно близки, но более ранний вариант имеет некоторые отличия в интересующей нас части о создании Феодором монастыря. Монастырь, который действительно был основан еще вполне молодым Феодором ближе к «юности», в 1370-х гг. (о чем говорит наречие «идеже», использованное автором варианта XV в. в значении

⁶⁹ [Электронный ресурс] URL: http://expositions.nlr.ru/EfrosinManuscripts/_Project/page_Manuscripts.php?block=7B962B1E-6337-4672-BF08-24A6A1B9EA33.

⁷⁰ [Электронный ресурс] URL: http://expositions.nlr.ru/EfrosinManuscripts/_Data/Docum/kb6.pdf.

⁷¹ См.: Карбасова Т. Б. Тропари и кондаки Кириллу Белозерскому в автографе Евфросина и месяцесловная часть сборника РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 6/1083 // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 200–259.

⁷² [Электронный ресурс] URL: http://expositions.nlr.ru/EfrosinManuscripts/_Project/page_Manuscripts.php?izo=36E728DD-D5B8-47EB-8721-D1CFE38E8EEB&nCodeList=212&nAn=165.

⁷³ Карбасова Т. Б. Святцы 1646 г.: памяти русских святых. С. 273.

«когда»), хорошо известен, но расположен не в Ростове, а в Москве, и это, конечно же, Симонов монастырь. По отношению к ростовской обители, которую архиепископ мог основать только в последние годы своей жизни, уже после возвращения на Русь, подобный оборот не мог быть употреблен. В первом тексте речь идет, разумеется, о Симонове: в то время именно его вполне возможно определить именно как «превеликою лавроу»⁷⁴: это чрезвычайно большой и богатый монастырь со многими вотчинами в разных частях великого княжения Московского, с каменными зданиями — собором Успения (1379–1405), а также церковью Спаса с колокольницей (втор. пол. XV в.) и трапезной (1485). Напомню, в то время, когда пишется обсуждаемый сборник, своего каменного храма еще не имелось ни только ни в одном из монастырей Ростова, но даже и в самом Кириллове монастыре. В Рождественском же ростовском монастыре первое каменное здание появится лишь спустя двести лет, а весь его ансамбль постепенно станет каменным только в последние десятилетия XVIII в., приобретая относительную представительность в сравнении с прочими ростовскими монастырями уже в следующем столетии⁷⁵. Заметим здесь также, что само появление тропаря Феодору с похвалой основателю обители на Симонове в богослужебном сборнике из Кирилло-Белозерского монастыря разумнее соотнести не с влиянием Ростовской кафедры, о почитании при которой этого святителя в 1470–1480-х гг. ничего не известно, и с которой кирилловские иноки именно тогда находились в весьма непростых отношениях, а с сохранявшейся и в то время особой значимостью для них Симонова монастыря, где, как они хорошо помнили, принял от бывшего в то время симоновским архимандритом Феодора постриг и откуда пришел по чудесно явленной воле святой покровительницы обеих обителей Богородицы сам их патрон Кирилл Белозерский. Автор сборника Евфросин на протяжении достаточно продолжительного времени собирал тропари и кондаки различным святым с практической целью пополнения комплекса гимнографических текстов обители и используя при этом различные источники (в том числе и из некирилловских книгохранилищ)⁷⁶. Таки образом, сделать уверенных предположений по поводу происхождения тропаря Феодору не удастся. При этом следует отметить, что в текстах тропаря и кондака главное внимание уделено именно монашеским аспектам подвига героя, именуемого там преподобным, и основанию им монастыря, но никак не затронута тема его святительского учительства (предсказуемо обыч-

⁷⁴ Именно «великой лаврой» Симонов монастырь именуется и в рассказе об основании его Феодором в Третьей Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского: *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. С. 403.

⁷⁵ См.: *Мельник А. Г.* Ансамбль Ростовского Рождественского монастыря в XVIII — начале XX в. // СРМ. Ростов, 2003. Вып. 14. С. 347–389.

⁷⁶ См.: *Карбасова Т. Б.* Тропарь и кондаки Кириллу Белозерскому в автографе Ефросина и месящесловная часть сборника РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 6/1083. С. 232–238.

ная для тропарей всем прочим ростовским святителям, почитавшимся в XV — первой половине XVI в.⁷⁷) и его покровительства над Ростовом. Это также свидетельствует против возможной связи создания посвященных ростовскому архиепископу ранних богослужебных текстов с Ростовской кафедрой.

Впрочем, и в качестве просто «превеликой обители», как было сказано уже в варианте тропаря, использованном в печатных изданиях первой половины XVII в., «Пресвятая Богородица в похвалу Рождеству Ея» ростовский монастырек без каменных строений и с восемью кельями стариц в то время, когда в Москве выпускались книги с этой редакцией тропаря Феодору, тоже восприниматься и именоваться явно не мог. Это не удивительно: данный текст, прямо называя основанный святителем монастырь, с высокой вероятностью отсылает к главному источнику биографических сведений о Феодоре для XV — первой половины XVII в., к Житию Сергия Радонежского, дяди будущего святителя. Там действительно рассказывается, как после выбора места для обители и благословения воспитавшим его в своем монастыре Сергием молодой племянник «основаша церкву въ имя Пречистыя владычица наша Богородица честнаго Ея Рождства. И абие вскорѣ дѣло прѣспевашѣ, церква же и трапеза и келия, и множество братии прихождаше, и бысть не въ мнозѣ времени множество инок, съставиша же обще житие...»⁷⁸, что вынуждает к выводу, по которому речь в более поздней редакции тропаря тоже идет, как и в ранней, не о ростовском монастыре, а об обители Рождества Богородицы на Старом Симонове, из которой и выросла в итоге «превеликая Лавра пресвятой Богородицы».

Этому выводу вполне отвечает то обстоятельство, что в случае реальности предполагаемой преданием связи появления ростовского монастыря Рождества Богородицы с местным архиерейским домом он должен был бы войти в число владычных монастырей «домовой Пречистые Богородицы вотчины и великих ростовских чудотворцов Леонтия и Исаия, и Игнатия, и Якова»⁷⁹, как она описана в выданной на основании актов предшествовавших великих князей и царей, начиная с Василия Дмитриевича грамоте

⁷⁷ См. напр.: *Карбасова Т. Б.* Святцы 1646 г.: памяти русских святых. С. 272–273, 287, 289–291. См. также: *Мельник А. Г.* Социальные функции ростовских святых в XII–XVII веках // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11 (129). С. 75–93.

⁷⁸ Это известие содержат и Пространная редакция, и Первая и Третья Пахомиевские редакции Жития Сергия: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского: Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. С. 367, 403; Житие Сергия Радонежского: (Пространная редакция) / подг. текста, пер., комм., иссл. А. В. Духаниной; *Patrologia Slavica*. Вып. 3. М.; Брюссель, 2015. С. 348. Заметим, что об Успенском монастыре на Симонове Первая Пахомиевская редакция, рассказывая о Феодоре, в отличие от основания тем монастыря Рождества Богородицы на Старом Симонове, вообще не упоминает.

⁷⁹ Так, например, новгородский архиепископ Иона, «ко блаженнѣй кончинѣ зряше, завѣтъ своею рукою списа о монастыри своемъ, яко не насилувати ему, снабдѣти же братии своей, иже бывающим по нем архиепископом поручи»: *Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском*. С. 252.

царя Ивана Васильевича архиепископу Никандру 1555 г.⁸⁰ Там, однако, в числе владычных названы только известные именно в таком качестве и позднее Григорьевский и Белогостицкий монастыри, а ростовская девичья обитель не упомянута. Нет, как уже отмечалось, и свидетельств ее непосредственной связи с ростовскими митрополитами в следующем столетии: обеспечение инокинь осуществляется по указам государей из государственных средств и из доходов дворцовых сел, а также за счет царских земельных пожалований. Ситуация меняется лишь в послепетровское время. Вошедший в состав Св. Синода епископ Ростовский Георгий (Дашков) переводит всех рождественских монахинь из их родной обители в Троице-Варницкий монастырь, обращенный им в женский, причем в том же 1725 г. в качестве настоятельницы впервые фиксируется не игумения, а наместница правящего архиерея Матридия⁸¹. После того, как утративший власть при Анне Иоанновне Георгий покидает кафедру, инокинь, которые испытывали на новом месте недостаток во всем, вернули обратно. Начиная с 1731 г., как отмечено в Описи 1763 г., выплата им средств «на церковные и другие потребности в год» идет уже из казны ростовских архиереев⁸², и лишь с этого времени обитель Рождества Богородицы неизменно является приписной к архиерейскому дому.

Насколько можно судить, зародившаяся в Ростове второй половины XVIII в. в виде предположения мысль, что являющийся в то время наиболее доступным источником информации о святителе тропарь сообщает об основании Феодором соименного ростовского монастыря, постепенно обретает форму предания, параллельно развитию Рождественской обители превращаясь уже в значимую местную традицию и получая наглядные подтверждения в виде связываемых теперь с именем Феодора реликвий. Так, почитаемая икона Тихвинской Богородицы, появившаяся в монастыре после постройки каменного собора, теперь начинает осмысляться то ли как собственноручно написанная архиепископом (поскольку в позднем Сказании о святых иконописцах он был упомянут в числе мастеров икононого писания), то ли как привезенная им с Афона из его путешествия в Византию⁸³. Обнаруживается в обители и еще один образ, также при-

⁸⁰ Стрельников С. В. Ростовские акты XV–XVI вв. // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 40–46.

⁸¹ Израилев А. А. Описание Ростовского Ярославской губ. Рождественского девичьего монастыря. С. 43.

⁸² Опись Ростовского архиерейского дома 1763 года. С. 202.

⁸³ Израилев А. А. *прот.* Описание Ростовского Ярославской губ. Рождественского девичьего монастыря. С. 15–16. Сведения о Тихвинской иконе Богородицы, принадлежащей Ростовскому Рождественскому монастырю // Ярославские епархиальные ведомости. 1872. № 38. Ч. неофиц. С. 305–306. Механизмы мемориализации действовали таким образом, что даже год создания иконы (1683/84), написанный на впоследствии связанном со святым Феодором образе его автором, был переосмыслен как указание на некое случившееся в этом году чудо: Израилев А. А., *прот.* Ростовский Ярославской губернии Рождественский трехклассный женский монастырь. С. 21–25.

писываемый теперь святителю и соотносимый с неким явленным тому чудесным видением⁸⁴. Появившаяся при очередном поновлении на иконе самого Феодора табличка с текстом тропаря в XIX в. уже уверенно интерпретируется как известие об основании им ростовской обители⁸⁵.

Подводя итоги, мы вынуждены отметить, что наиболее раннее упоминание о Рождественском девичьем монастыре рисует его княжеским, точнее, княгининым, связывая обитель с умершей в 1471 г. княгиней инокой Марфой Ростовской, скорее всего – вдовой ростовского князя Александра Ивановича. Распространившееся же в краеведческой и церковно-исторической традиции представление об основании данного монастыря святителем Феодором Ростовским формализуется в источниках лишь в начале – середине XIX в. С учетом времени зарождения и развития этой традиции приходится принять во внимание и то, что к тому моменту на протяжении уже почти столетия монастырь был приписным к Ростовскому архиерейскому дому, находясь под прямым покровительством правящих архиереев, и то, что пришедшийся как раз на рассматриваемый период культурный и хозяйственный расцвет расположенной в центре Ростова женской обители, который сопровождался формированием в ней репрезентативного архитектурного ансамбля и ростом ее реального статуса, все ярче подчеркивал резко отличавшее ее от прочих городских монастырей отсутствие собственного святого покровителя.

⁸⁴ Израилев А. А. Описание Ростовского Ярославской губ. Рождественского девичьего монастыря. С. 9–10.

⁸⁵ Израилев А. А., *прот.* Ростовский Ярославской губернии Рождественский третьеклассный женский монастырь. С. 10.